

Д.Д. Лотарева

Писатель и две войны

Письмо Евгения Лундберга в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны (1942 г.)

Первая мировая война, в которую Россия вступила совершенно неожиданно практически для всех слоев населения, стала большим потрясением для общества. И если в начале войны в образованных и художественных кругах боевые действия с энтузиазмом одобрялись (хоть и с разных позиций), то впоследствии осмысление причин, хода и результатов войны стало более пессимистичным. Катастрофичность последствий и бессмысленность жертв казались все очевиднее.

Практически все русские писатели и поэты поддерживали войну, хотя видели ее по-разному. Даже те, кто осуждал военные действия, высказывали свое несогласие осторожно¹. И лишь немногие решались на открытое неприятие и призыв к поражению в войне. Среди этого меньшинства – Евгений Германович Лундберг (1883–1965), к 1914 г. имевший за плечами достаточно бурную биографию, которую строил в соответствии с воззрениями философа Льва Шестова, чьи работы открыл для себя еще в 1902 г. В опубликованной в 1898 г. работе «Шекспир и его критик Брандес» Шестов порицал ограниченность и недостаточность научного познания как средства «ориентировки» человека в мире; высказывал недоверие к общим идеям, системам, мировоззрениям, заслоняющим реальную действительность во всей ее красоте и многообразии. Он считал, что главное – это конкретная человеческая жизнь с ее трагизмом, не принимал формальную, принудительную мораль.

В 16 лет Лундберг ушел из дома после конфликта с родителями на религиозной почве, долго скитался, общаясь с крестьянами, революционерами, сектантами, о чем написал сборник рассказов, очерков и этюдов (опубликован в 1909 г.). Его девизом стали

слова Шестова: «Если все люди – дети Бога, значит, можно ничего не бояться и ничего не жалеть».

С 1903 г. Лундберг входит в литературные круги Петербурга, познакомившись с Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус. Андрей Белый считал его символистом. Молодой человек имел очень широкий круг знакомств среди писателей, философов, революционеров, общественных деятелей (А. Блок, С. Бобров, А. Ремизов, О. Форш, Б. Пастернак, Вс. Мейерхольд, Р. Иванов-Разумник, К. Станиславский, С. Мстиславский и мн. др.).

Однако литератору было мало литературы. По словам его современников, Лундберг обладал мятущимся характером и жаждал действия. От экспериментов над собой (голодовки, проживание в лепрозории, симуляция немоты и намеренное попадание в разного рода экстремальные ситуации) он перешел к работе над преобразованием действительности. Так, в 1905 г. он примкнул к полуполюгальному Христианскому братству борьбы, созданному философом В.Ф. Эрном и религиозным писателем В.П. Свентицким, и агитировал рабочих Иваново-Вознесенска. Он призывал их отказаться от узкоэкономических требований и старался пробудить в бастующих идею борьбы за «Правду Христову», противопоставив ее борьбе за экономические цели, служащие лишь эгоистическому желанию обогащения и благополучия. Вместо стачки за хлеб насущный он и другие агитаторы призывали восстать против тех, кто оскверняет мир – храм Господень, делая его домом торговли и вертепом разбойников, где безбожные сытые бездельники крадут труд бесправных, голодных и нищих рабочих².

Программу Христианского братства Лундберг также распространял на Юге России. Он верил во «всемирную», «всесловную», «всепрощающую революцию».

После ареста в 1909 г. и пребывания в крепости, откуда его вызволил Шестов, он уехал за границу, а вернулся в Россию как раз к началу войны.

Начиная с 1900-х гг. и в особенности с 1912 г. Лундберг постоянно занимался журналистской работой, сотрудничая в самых разных изданиях («Новый путь», «Журнал для всех», «Русская мысль» и др.). В основном Лундберг публиковал рецензии и кри-

тические статьи, реже – рассказы. При этом его работы часто не соответствовали концепции журналов. Например, как вспоминал сам автор, в мистическом «Новом пути» он был представителем скептического направления.

Судя по его запискам, Лундберг был прекрасно осведомлен обо всех идейных и философских течениях Серебряного века – символизме, мистическом анархизме, антропософии, масонстве, левом народничестве. Идеино поддерживал левых эсеров, что, вероятно, сформировало его отрицательное отношение к войне.

С середины 1914 г. он возглавил литературный отдел журнала «Современник», высказываясь критически о состоянии русской литературы. В этом же году он опубликовал книгу «Мережковский и его новое христианство», в которой подчеркивал, что для построения новой религии необходим собственный опыт.

Вступление России в военные действия заставило его высказываться более резко. В декабре 1914 г. он писал: «Несмотря на огромность темы, писатели наши не находят ни слов, ни образов, ни идей... На писаниях их лежит печать компилятивности (по газетным материалам), на замыслах – печать полной растерянности и бескрылости. Все стали писать на один лад, одним языком <...> Чем речь патетичнее, тем слабее стих. Мне жаль, что наши поэты пишут о войне, главным образом, за своими старыми столами. Чистая лирика им удается, а поэзия, так сказать, прикладная, этот новый род полуэпоса-полулирики, не складывается ни по форме, ни по содержанию³. Это мнение Лундберга резко контрастирует, например, с высказыванием Вячеслава Иванова, опубликованным также в декабре 1914 г.: «Война на всем отразилась как светлое потрясение, она знаменует всеобщий сдвиг наших сил как в материальной, так и в духовной сферах»⁴.

В 1923 г. в очерках «От общего к преходящему» Лундберг писал, характеризуя литературный процесс периода войны: «Блок с легкостью мог создать любую легенду о мистической или исторической роли России и примкнуть к сонму лжепророков, придавших столь неприятный оттенок мессианства нашей философской и публицистически-философской литературе. Но он воздержался от этой измены»⁵.

В «Записках писателя» Лундберг еще подробнее описывает ситуацию периода войны: «Ждали зарождения трагической культуры. Ждали религиозного возрождения. Обманывали обещанием материальных приобретений. Среди больших писателей, ученых и проповедников отобрались люди великого бесстыдства, которые намекали на то, что война введет Россию в золотой век.

А на деле война рождала страх в сердцах – и зарытые в землю, искаженные страхом сердца мертвецов отравляли землю. Страх гибели подымал людей на подвиги. Страх кары отрывал от труда и семьи, строил батальоны, полки и армии. Страх потери страха подневольными людьми научил философов философствовать по-военному, а поэтов по-военному слагать стихи». И далее: «Интеллигенция <...> безответственна. Она гранит и шлифует поверхность культуры и не любит заглядывать в глубину. <...> Интеллигенция знает причины, пути, обстоятельства и цели, охотно и пространно изъясняет их. И бесславно гибнет в подвижных складках колеблемой земной коры. Зато страшно и трогательно народное молчание во времена несчастных и запоздалых войн»⁶. Лундберг призывал писателей трудиться, чтобы «превратить в полезный продукт зреющий под спудом народный дух»⁷.

Как левый эсер, поддерживая линию на прекращение войны, Лундберг в 1917 г. написал воззвание к солдатам немецкой армии «Долой войну, долой правительство капиталистов» (РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. Ед. хр. 564).

После революции Лундберг в 1917 г. работал редактором газеты «Свободная Россия» в Новороссийске, затем жил в Петрограде, а потом в Москве, где с 1918 г. работал в Наркомпросе. Печатался в журнале «Наш путь» (1918), в этом же году издал книги «Свобода совести и отделение церкви от государства» и «Церковь и государство». В 1917–1918 гг. сотрудничал в левозэсеровских изданиях вместе с Р.В. Ивановым-Разумником, принимал активное участие в организации Вольной философской ассоциации. Затем уехал в Берлин, где жил в 1920–1924 гг., где принял участие в организации левонароднического издательства «Скифы», что также характеризует его взгляды.

Вернувшись в Россию, Лунберг остался практически не у дел, писал о грузинской и казахской литературе, о зодчем Воронихине, а также опубликовал повесть о первобытных людях «Кремень и кость». Занимался также переводами. Являлся членом Союза писателей.

Вернуться к опыту осмысления роли писателей в военное время Лундберга заставила Великая Отечественная война. В июле 1942 г., будучи в эвакуации в Алма-Ате, он написал докладную записку, предлагая создать фактотеку Великой Отечественной войны. Записку он направил в Секретариат ЦК ВКП(б) и в Политуправление Рабоче-крестьянской Красной армии, которое отвечало за агитационные и пропагандистские вопросы. Копии этого письма хранятся в РГАЛИ (Ф. 631 – ССП СССР. Оп. 15. Ед. хр. 759. Л. 114–118) и в фонде созданной И.И. Минцем Комиссии по истории Великой Отечественной войны (Научный архив ИРИ РАН. Ф. XIV. Ед. хр. 3. Л. 3–7).

Приведем выдержки из этого письма:

«28 июля 1942 г. В Секретариат ЦК ВКП(б) Фактотека Великой Отечественной войны. Докладная записка.

<...> Совершенно естественно, что участники и свидетели событий, происходящих сейчас в Советском Союзе и во всем мире, стремятся так или иначе закрепить пережитое, так или иначе послужить будущим историкам и художественным изображениям Отечественной войны своими материалами.

Наиболее активными в деле собирания фактических материалов об эпохе Великой Отечественной войны могут быть и должны быть писатели всех жанров и журналисты. Они должны быть шире, чем было до сих пор, привлечены к работе, как архивом Великой Отечественной войны, организованным при ПУРе, так и редакциями киносборников, радиоуправлений и газет. Наряду с этим было бы очень важно предоставить литературным работникам возможность создать собственную фактотеку.

Творчество писателей и поэтов в дни Отечественной войны, естественно, течет по двум разделам: одни произведения пишутся для войны, другие – о войне. Одни создаются для того, чтобы удовлетворить текущую потребность бойцов фронта и тыла в остром

мобилизующем слове, другие являются как бы заготовками для будущих произведений, в которых отразятся героические дела народов Советского Союза в их борьбе с фашизмом.

<...> Историю общества эпохи Отечественной войны придется строить как сложную мозаичную картину. Благодаря вполне неизбежной суженности, поле действия отдельных наблюдателей и летописцев, значительная часть совершающихся в нашей стране событий, проявлений самоотверженности, преданности идеям, понимания задач, лежащих на советских людях остаются неотраженными, даже не зарегистрированными. Газеты и радио не могут охватить всей полноты и разнообразия событий, официальные отчеты схематичны, ибо их интересуют сводки фактов, суммарные цифры, магистраль движения, а не частности, как бы красочны и глубоки они ни были.

<...> И на советских писателях и журналистах лежит чрезвычайно ответственная задача: стать ближе к многообразной нашей действительности, с возможной полнотой отразить ее или хотя бы зарегистрировать то значительное, что в ней происходит. А между тем большинство писателей, особенно находящихся в тылу, делают меньше, чем они могли бы и хотели бы сделать.

Но существенен не только момент активизации творчества самих писателей. И на фронте, и в тылу тысячи бойцов и работников сами хотят что-то рассказать, что-то передать родной стране, но не умеют этого сделать и беспомощно бьются над словом. И тут на советских писателях, на советской интеллигенции лежит еще одна ответственная, радостная задача.

Независимо от личной одаренности потребность народа в целом выразить свои думы и чаяния является законной и великой потребностью. На этой потребности во все времена расцветал фольклор, она порождала подлинно народный эпос. Но кто знает, сколько песен, легенд и поэм погибали и погибают в неизвестности только потому, что некому их записать. Мы должны подхватить их, сохранить, оформить. И я не знаю, которая из задач выше и ответственнее – задачи ли помочь будущему историку, накапливая для него материалы в качестве скромных летописцев, или служебное участие в народном стремлении запечатлеть свои думы и чаяния.

Фактотека Великой Отечественной войны является лишь одной из возможностей преодолеть эту слабость, эту невольную непродуктивность большого числа писателей. <...> Все нацреспублики, области Сибири и Дальнего Востока должны быть вовлечены в эту работу. Особого освещения требует роль бойцов, находящихся на излечении или отдыхе в тылу, в общественной жизни; судьбы эвакуированных; творческая работа ученых; трудовые подвиги рабочих, крестьян и представителей советской интеллигенции; перестройка экономики и быта в связи с текущими задачами – рост сознания и трудоспособности охваченных единым порывом народов Советского Союза.

Должны коллекционироваться письма, дневники, стенгазеты и пр.

Фактотека может стать значительным памятником Великой Отечественной войны. На ее основе могут вырасти значительные произведения...»

Копия письма Лундберга могла попасть в Комиссию по истории Великой Отечественной войны как из Секретариата ЦК ВКП(б), так и из ПУ РККА, поскольку Комиссия была организована по их распоряжению и по инициативе историка и будущего академика И.И. Минца. В начале войны мало кто понимал, как освещать военные события, как писать историю боевых действий. Обращение к опыту литературной агитации времен Первой мировой войны не удовлетворяло и не могло удовлетворить советских пропагандистов, хотя некоторые идеи, например обращение к фольклору и к опыту Отечественной войны 1812 г. использовались во время обеих войн.

Однако предложения о создании Летописи (или «Фактотеки», в версии Лундберга) войны поступали как от писателей, так и от военных. Но практически ни одно из предложений писателей реализовано не было, хотя их идеи, несомненно, оказали влияние на формирование целей и задач Комиссии. Отметим, что и те огромные материалы, которые были собраны Комиссией во время и после войны (преимущественно в виде интервью участников боевых действий), остаются практически невостребованными до сих пор.

В заключение укажем, что Е.Г. Лундберг, вполне в соответствии со своими взглядами, в эвакуации в Алма-Ате написал работы «Значение Абая Кунанбаева в казахской литературе» (1944), «Казахская литература и акыны» (1944), а также сборник рассказов «Люди и судьбы» (1944).

¹ *Купцова И.В.* Идеино-политическое размежевание российской художественной интеллигенции в годы Первой мировой войны // *Интеллигенция и мир.* 2001. № 2–3. С. 21–30.

² *Лундберг Е.Г.* Записки писателя. Берлин, 1922. С. 18.

³ *Литературный дневник // Современник.* 1914. № 12. С. 250.

⁴ *Голос Москвы.* 1914. № 273. 2 дек.

⁵ *Лундберг Е.Г.* От общего к переходящему. Берлин, 1923. С. 96.

⁶ *Лундберг Е.Г.* Записки писателя. С. 25.

⁷ Там же. С. 54–55.